

ЭЛИНСКИЕ ПОЭТЫ

Санкт-Петербург

ГОМЕРОВЫ ГИМНЫ

(VII–VI вв. до н. э.)

Название сборника, в который вошло 33 гимна, сохранившихся в позднесредневековых рукописях (гимн Деметре был обнаружен в середине XVIII в. в рукописи, найденной в Москве). Гимны исполнялись в честь разных богов, их авторы неизвестны, а «Гомеровыми» (или «Гомеровскими») их называют из-за размера — гекзаметра, которым написаны «Илиада» и «Одиссея», а также стилистического сходства с гомеровскими поэмами. Древнейшие из них были созданы в VII в. до н. э., позже Гомера и Гесиода согласно традиционной датировке. Самые поздние из гимнов относятся к эпохе эллинизма. Они различаются по длине — от пространных (более 500 строк) до довольно коротких (несколько стихов) — позднейших. Самые древние гимны, представляющие наибольший интерес, обязательно содержат просьбу, похвалу и повествование; в коротких — повествование отсутствует. В гимнах прославляются главные греческие боги: Аполлон (и Музы), Арес, Артемида, Асклепий, Афина, Афродита, Гелиос, Гера, Геракл, Гермес, Гестия, Гефест, Гея, Деметра, Дионис, Диоскуры (Кастор и Полидевк), Зевс, Кибела (Мать богов), Пан, Посейдон, Селена.

I. К АПОЛЛОНУ ДЕЛОССКОМУ

Вспомню — забыть не смогу —
о метателе стрел Аполлоне.
По дому Зевса пройдет он — все боги
и те затрепещут.
С кресел своих повскакавши, стоят они в страхе,
когда он
Ближе подступит и лук свой блестящий натягивать
станет.
Только Лето остается близ молнелюбивого Зевса;
Лук распускает богиня и крышкой колчан закрывает,
С Фебовых плеч многомогущих оружие снимает
руками
И на колок золотой на столбе близ седалища Зевса
Вешает лук и колчан; Аполлона же в кресло сажает.
В чаше ему золотой, дорогого приветствуя сына,
Нектар отец подает. И тогда божества остальные
Тоже садятся по креслам. И сердце Лето веселится,
Радуюсь, что родила луконосного, мощного сына.
Что же мне спеть о тебе? Песнопений во всем
ты достоин.
Спеть ли, как смертных утеха, Лето, тебя на свет
родила,
К Кинфской горе прислонясь, на утесистом острове
бедном

Делосе, всюду водою омытом? Свистящие ветры
На берег гнали с обеих сторон почерневшие волны.
Выйдя оттуда, над всеми ты смертными

властвуешь ныне.

Родами мучаясь, Крит посетила Лето и Афины,
Остров Эгину, Евбею, страну моряков знаменитых,
Морем омытый кругом Пепарет и Пейреские Эги,
Также Фракийский Афон, Пелиона высокие главы,
Самофракию и тенью покрытые Идские горы,
Скирос, Фокею, крутые высоты горы Автоканы,
Благоустроенный Имброс и Лемнос

труднодоступный,

Эолиона Макара обитель¹, божественный Лесбос,
Хиос, тучнейший из всех островов, расположенных
в море,

И каменистый Мимант, и высокие главы Корина,
Кларос блестящий, крутые высоты горы Эсагеи,
Самос, богатый водою, высокие главы Микале,
Коос, город людей меропийских, Милет и высоко
Вверх возносящийся Книд, и Карпат, от ветров
не закрытый,

Рению, остров с землей каменистой, и Наксос,
и Парос, —

Все их Лето обошла, собираясь родить

Дальновержца,

Всех опросила, не хочет ли кто стать родиной сыну.
Но трепетали все земли от страха, никто не решился
Фебу пристанище дать, хоть и были они плодородны.

¹ *Макар* — сын Эола (Эолион), мифический основатель поселения на Лесбосе. «Обителью Макара» Лесбос называется и в «Илиаде» (XXIV, 554). — *Примеч. В. В. Вересаева.*

Сильно, однако, — не скрою, богиня, —
страшат меня слухи:
Больно уж будет рожденный тобой Аполлон,
как я слышал,
Неукротим и суров, и великая власть над богами
И над людьми ожидает его на земле хлебодарной.

Вот я чего опасаясь ужасно умом и душою:
Ну как, сияние солнца впервые увидев, презреньем
К острову он загорится, — скалиста, бедна моя
почва, —
И в многошумное море меня опрокинет ногами.
Будут бежать чередой непрерывной высокие волны
Там над моей головою. А он себе больше по вкусу
Землю найдет, чтобы храм заложить
и тенистые рощи.

Черные вместо людей лишь тюлени одни да полипы
Гнезда и домики будут на мне возводить безобидно.
Если б, однако, посмела ты клятвой поклясться
великой,
Что благолепнейший храм свой на мне он
воздвигнет на первом
Для провещения божьих велений, и после того
лишь...

.....
Всюду, меж всеми людьми. Ибо много имен
он имеет».

И поклялася Лето великою клятвой бессмертных:
«Этой Землею клянусь и Небом широким
над нами,
Стикса подземно текущей водой, — меж богов
всеблаженных

Клятвою, самой ужасной из всех и великою самой: 9

Истинно Фебов душистый алтарь и участок
священный
Вечно останутся здесь, и почитит он тебя
перед всеми».

После того как она поклялась и окончила клятву,
С радостью роды царя Дальновержца приветствовал
Делос.

Девять уж мучилась дней и ночей в безнадежно
тяжелых

Схватках родильных Лето. Собрались вокруг
роженицы

Все наилучшие между богинь: Ихнея-Фемида,
Рея, шумящая плесками волн Амфитрита, Диона,
Также другие. Лишь не было там белоколотной Геры.
Да ни о чем не слыхала Илифия, помощь родильниц:
Под облаками златыми сидела она на Олимпе;
Хитростью там удержала ее белокурая Гера,
Злобой ревнивой горя, потому что могучего сына
На свет родить предстояло в то время Лето
пышнокудрой.

С острова спешно богини послали Ириду
с приказом,
Чтобы Илифию к ним привела, обещав ожерелье
Длинное, в девять локтей, золотое, из зерен
янтарных.

Но приказали богиню позвать потихоньку от Геры,
Чтобы словами ее, как пойдет, не вернули обратно.
Только сказали они ветроногой и быстрой Ириде, —
Та побежала и вмиг через все пронеслася
пространство.

Быстро примчавшись в обитель богов
на высоком Олимпе,

10 Вызвала тотчас Ирида Илифию вон из чертога

И с окрыленными к ней обратилась словами,
сказавши
Все, что сказать олимпийские ей приказали богини,
И убедила Илифии душу в груди ее милой.
Обе помчались, походкой подобные робким
голубкам.

Только ступила на Делос Илифия,
помощь родильниц,
Схватки тотчас начались, и родить собралась богиня.
Пальму руками она охватила, колени уперла
В мягкий ковер луговой. И под нею
земля улыбнулась.
Мальчик же выскочил на свет. И громко богини
вскричали.

Тотчас тебя, Стреловержец, богини прекрасной
водою
Чисто и свято омыли и, белую тканью повивши —
Новою, сделанной тонко, — ремнем золотым
закрепили.
Грудь своей не давала Лето златолирному Фебу:
Нектар Фемида впустила в нетленные губы
младенца

Вместе с амвросией чудной. И сердцем Лето
веселилась,
Радуюсь, что родила луконосного, мощного сына.

После того как вкусил ты, владыка,
от пищи бессмертной,
Бурных движений твоих не сдержали ремни
золотые,
Слабы свивальники стали, и все распустились
завязки.

Тотчас же Феб-Аполлон обратился к бессмертным
богиням:

«Пусть подадут мне изогнутый лук
и любезную лиру.
Людам начну прорицать я решенья неложные
Зевса!»

Молвивши так, зашагал по земле
неиссчетоводорожной
Феб длинновласый, далеко стреляющий.

Все же богини
Остолбенели. И весь засиял, словно золотом, Делос:
Так покрываются гор возвышенья лесными цветами.

Ты же, о, с луком серебряным царь,
Аполлон дальнострельный,
То поднимался на Кинф, каменисто-суровую гору,
То принимался блуждать, острова и людей посещая.
Много, владыка, имеешь ты храмов и рощ
многостовпных;

Любы все вышки тебе, уходящие в небо вершины
Гор высочайших и реки, течение стремящие в море.
К Делосу больше всего ты, однако,
душой расположен.

Длиннохитонные сходятся там ионийцы
на праздник,

С ними и жены, достойные их, и любезные дети.
Помнят они о тебе и, когда состязанья назначат,
Боем кулачным, и пляской, и пеньем тебя услаждают.
Кто б ионийцев ни встретил, когда они вместе
сберутся,

Всякий сказал бы, что смерть или старость
над ними бессильны.

Видел бы он обходительность всех и душой
веселился б,

12 Глядя на этих детей и на жен в поясах несравненных,

На корабли быстроходные их и на все их богатства.
К этому ж — диво большое, которого славе

не сгинуть:

Острова Делоса девы, прислужницы Феба-владыки.
Песнью хвалебной они Аполлона сначала

прославят;

После, Лето помянув пышнокудрую и Артемиду
Стрелолобивую, песни поют о мужах и о женах,
В древности живших, и племя людей в восхищенье
приводят.

Дивно умеют они подражать голосам и напевам
Всяких людей; и сказал бы, услышав их, каждый,
что это

Голос его, — до того хорошо их налажены песни.

Милость свою ниспошлите на нас, Аполлон
с Артемидой!

Вам же, о девы, привет! Обо мне не забудьте
и позже.

Если какой-либо вас посетит человек земнородный,
Странник, в скитаньях своих повидавший немало,
и спросит:

«Девы, скажите мне, кто здесь у вас из певцов
наилучший?

Кто доставляет из них наибольшее вам
наслажденье?» —

Страннику словом хорошим немедленно все вы
ответьте:

«Муж слепой. Обитает на Хиосе он каменистом.
Лучшими песни его и в потомстве останутся
дальнем»,

Мы же великую славу об вас разнесем повсеместно, 13

Сколько ни встретим людей в городах,
хорошо населенных,
Все нам поверят они, потому что мы правду
расскажем.

Я же хвалить не устану метателя стрел Аполлона,
Сына Лето пышнокудрой, владыку с серебряным
луком.

Средства от смерти найти и защиты от старости
грустной.

Пышноволосяе девы Хариты, веселые Оры,
Зевсова дочь Афродита, Гармония, юная Геба,
За руки взявшись, водить хоровод начинают
веселый.

Не безобразная с ними танцует, не малая с виду, —
Ростом великая, видом дивящая всех Артемида,
Стрелолюбивая дева, родная сестра Аполлона.
С ними же здесь веселятся и Арес могучий, и зоркий
Аргоубийца. А Феб-Аполлон на кифаре играет,
Дивно, высоко шагая. Вокруг него блещет сиянье,
Быстрые ноги мелькают, и пышные выются одежды.
И веселятся, душою великою радуясь много,
Фебова мать, Лето златокудрая,

с Зевсом всемудрым,
Глядя на милого сына, как тешится он
меж бессмертных.

Что же мне спеть о тебе? Песнопений во всем
ты достоин.

Спеть ли о том, как ты был женихом,
как любовью горел ты,
Как приходил, домогаясь Азановой дочери милой,
С Исхием, равным богам,
многоконным Елатионидом?

Иль как Форбанта из рода Трионова,
иль Амаринфа...

Или, как вместе с Левкиппом и вместе с женою
Левкиппа...

.....
Пеший, а он на конях

Или о том, как, замысливши первый для смертных
оракул,

Места ища для него, по земле ты бродил,
Дальновержец?

Прежде всего в Пиерию ты путь свой направил
с Олимпа;

Лакмос, Эматию после того миновал, Эниены,
Через Перребы прошел ты. И скоро достиг Иаолка.
В славной судами Евбее на мыс поднимался
Кенейский.

Стал пред Лелантской равниной, — но сердце твое
не прельстилось

Храм твой на ней заложить и тенистые рощи густые.
После того перешел ты Еврип,

Аполлон-дальновержец,

И поднялся на зеленую гору святую, с нее же
Быстро сошел в Микалесс и в луга травяные Тевмесса.
В Фивы оттуда пришел ты, дремучим одетые лесом:
Не жили в те времена еще люди

в божественных Фивах,

И ни дорог, ни тропинок еще никаких не бежало
По хлебобобной равнине фиванской:

лишь лес простирался.

Дальше оттуда отправился ты, Аполлон
дальнострельный,

И до Онхеста дошел, Посейдоновой рощи блестящей.
Новообъезженный конь, в колеснице идущий
прекрасной,

Там переводит дыханье от бремени:
добрый возница,

Спрыгнувши наземь с повозки, пешком по дороге
шагает;

Кони ж, не зная вожжей, опустевшей гремят
колесницей.

Если с повозкою въедут они в многодревнюю рощу, —
Ждет уход лошадей, а ее, прислонив, оставляют.
Ибо таков изначально священный обычай: владыке
Молятся люди, а божью повозку судьба охраняет¹.

Дальше оттуда отправился ты, Аполлон
дальнострельный.

Вскоре достиг ты прекрасно струящейся речки
Кефиса,
Льющейся светлотекучей своею водой из Лелей.
Через Кефис перейдя, миновав Окалейские башни,
Ты пересек, Дальновержец, густые луга Галиарта
И до Тельфусы дошел. И прельстился ты
местом спокойным.

Здесь захотел ты свой храм заложить
и тенистые рощи,
Встал пред Тельфусою близко и слово такое
ей молвил:
«Здесь основать я, Тельфуса, прекраснейший храм
собираюсь.
Чтоб прорицалищем был для людей он,
которые вечно

¹ Место очень темное, различно толкуемое. Несомненно только то, говорит [Л.] Преллер, что речь идет о колесницах, которые приносились в дар богу Посейдону. По-видимому, с этим был связан обычай, что лицо, приносящее такой дар, перед въездом в священную рощу сходило с колесницы и лошади одни, без управления, должны были везти ее в рощу. В том, куда направлялись лошади, могло заключаться знамение, принимает ли Посейдон милостиво приносимый дар или нет. — *Примеч. В. В. Вересаева.*